

О Парфенове можно говорить много, но в то же время не сказать ничего — неуловимый какой-то образ. Однако он свое слово в телевидении сказал — создал ТВ имени Парфенова. ТВ — новое, модное, стильное, даже модное. Его «Намедни» — это острая аналитика, но аналитика вместе с тем тонкая, изящная и обязательно интересная. Когда у других нет новостей — они есть у Парфенова, вместе с целым арсеналом наглядных пособий в студии — от гранатомета и «Мерседеса» Туркменбаши в студии до говорящей куклы Буша и бутылки «боржоми». Парфеновское ТВ не ограничивается одними «Намедни», это еще и исторический документальный цикл «Российская империя», и проект «Страна и мир». Жизнь в деталях — вот главное отличие ТВ Парфенова. Человек-стиль Леонид Парфенов об истории, деталях и телевидении — «Новой газете»

— Что значит лично для вас проект «Российская империя»? Вы что-то открыли для себя в процессе съемок?

— Открыл для себя правоту Ключевского: история — это то, что не проходит, а остается. И чем больше времени проходит, тем это очевиднее. И премьерный показ, который начнется с понедельника, — это серия про Александра III и Николая II, пример того, как система государственной власти запаздывает, не отвечает потребностям времени, все более и более противоречая своим абсолютизмом частной инициативе. При Николае II стало совершенно очевидно, что жизнь общества — это одно, а окаймляющее страну самодержавие — совсем другое. И чем дальше, тем этот разрыв только увеличивается. Но это если глобально рассуждать. Главная же идея, с которой, собственно, мы и начинали проект, — Российская империя жива. С этим согласны и ее сторонники, и противники. Для одних — это ответ на первый проклятый русский вопрос «что делать?», для других — ответ на второй извечный русский вопрос «кто виноват?». И говорить об империи можно все что угодно, кроме того, что она нежива. Остается в нас имперское сознание, лежащее в выборе способа самореализации как страны, как общества, как народа. Есть ли силы его реализовывать — это уже другой вопрос. Но как фантом, живущий в сознании, империя жива.

— То есть параллели с веком XIX очевидны, а проблемы замешены на тех же дрожжах?

— Все можно связать, но совсем уж прямые параллели — примитивны. Хотя, конечно, создание общества частной собственности после многих лет тоталитаризма — это то же, что было и после Николая I при Александре II и далее. Сейчас второе пришествие русского капитализма в Россию. И, конечно, при всех различиях существуют и поразительные сходства.

— Ваши проекты отличаются вниманием к деталям... Вы действительно считаете, что империя именно из них, из деталей, состоит?

— В нашем случае велика роль детали в истории, а роль детали в телевидении. Я ведь не занимаюсь наукой, я не историк, а телевизионщик. Мне важно, чтобы все было наглядно, потому что это телеВИДЕНИЕ. Мы живем визуальными решениями. Конечно, деталь имеет значение и в истории... В телевидении очень важна не просто деталь, а ее телегенность: не всякая деталь будет смотреться на экране, а лишь та, которая понятна, соотносится с жизненной практикой зрителя, которую можно представить. У нас были абсолютно разные вещи — от телескопа до

Пресс-служба НТВ

ФОРС И МАЖОР В ОДНОМ ЛИЦЕ

Леонид ПАРФЕНОВ — о деталях, истории и телевидении

скачек на лошадях. Детали — это способ рассказа, передачи информации.

— А если бы вам пришлось продолжать проект до наших дней — о минувших временах Ельцина — Путина, какие бы детали вы использовали для рассказа?

— В «Намедни» я все время использую детали. Новые двадцать долларов или «Мерседес» Туркменбаши, новый тип футбольного мяча, который ввели в прошлом году на чемпионате мира. Это все символы нашего времени. Когда два миллиарда человек смотрят на этот новый мяч, он становится больше, чем просто надутый кусок резины. Или в прошлом выпуске был «бэушный» холодильник — действительный символ первого дня свободы в Ираке. До тех пор пока не пал режим Хусейна, никто не мог представить, придумать, что все население прежде всего кинется растаскивать «бэушные» холодильники. Такое нельзя придумать.

Ну да, роль Наполеона в истории трудно переоценить. Но и роль его наемника при Ватерлоо тоже велика. Петр Первый, царь-западник на троне — с одной стороны, это закономерность. А с другой стороны, на многое в стране повлияло то, что Петр был огромного, даже по нынешним временам, а по тем и подавно, роста — 2,04.

— История на ТВ — субъективна, личностна или может быть объективной?

— Объективно только: «было» или «не было». А остальное — как к этому относиться, как подать, как увидеть, как рассказать — конечно, субъективно. А уж телевидение — тем более субъективно, потому что абсолютно гуманитарно. Это же не точная наука.

— Но ведь многие телемэтры претендуют на объективность, приглашая в студию полсотни политиков и совместными усилиями пытаясь найти истину?

— И что, это объективно? Телевидение существует не

для открытия новых законов на коллективном ток-шоу. Телевидение увлекает и развлекает, и сообщает. Это и способ доставки на дом кино, спектаклей и футбольных матчей. Но объективности в нем нет.

— А в чем тогда дело? В форме подачи информации? В телевидении вообще форма довлеет над содержанием?

— А я не теоретик телевидения, я практик. У меня есть

опытно-конструкторская работа. Я его сконструировал, а делают его ребята сами. Я инициировал, предложил попробовать такой метод подачи информации.

— И как, по-вашему, он попал в точку или все-таки провис?

— Мне кажется, что спутать его точно нельзя ни с чем. Как формат он состоялся. Новости, в общем, при-

вечер, прайм-тайм, и надо, чтобы это было интересно. Делать интересно — это моя профессия, мне за это деньги платят. А критерий интересности этот может включать в себя все — драйв, темп, ритм, картинку, нужность информации и еще сто пятьдесят причин, чтобы зритель не переключил кнопку.

— Мои коллеги-телекритики единодушно признали вас и ваш проект «Намедни» самым стильным. Что для вас стиль на телевидении?

— Еще в году 94-м мне дали какой-то диплом «За стильность». Тогда это было новое слово. Но с тех пор оно яснее не стало. Ну, метод разделять на «хорошо» и «плохо», понимание, что вот здесь мы недо-, а тут мы пере-. Это цельность, то, как ты ощущаешь, что тебе подходит, а что нет.

— Помимо «Намедни» и «Российской империи», вы курируете проект «Страна и мир».

— Мое дело — НИОКР, научно-исследовательская и

мерно одинаковы, важно, как они сделаны, как поданы. Эти ребята — это образ нынешней России. Они молодые, сексапильные, оптимистичные, успешные, здоровые. Их манера ведения, тип речи, отношения в студии, стилистика студии — это все вопрос актуальности и даже моды. Вот: сейчас так принято, это стилистика 2003 года.

— После «Российской империи» планируете подобные глобальные проекты?

— Пока нет. Во-первых, телесезон уже кончается. Во-вторых, «Империей» я занимался с конца 1999 года. Надо передохнуть, да и дел пока хватает. Надо кое-что доработать, хотим кое-что поменять в «Намедни».

— А что собираетесь менять?

— Не скажу. Пока сами толком не решили.